

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	7
§ 1. Роль и значение суда в Советском государстве	27
§ 2. Задачи советского процессуального права	48
§ 3. Судебная политика, право и процесс	58
§ 4. Наука судебного права и доказательства	73
Глава I. Теория формальных доказательств	84
§ 1. Общее понятие	84
§ 2. Положительная и отрицательная теория формальных доказательств	89
§ 3. Историческое значение теории формальных доказательств	108
Глава II. Английское доказательственное право	124
§ 1. Особенности английской системы доказательств	124
§ 2. Формализм английской системы доказательств	128
§ 3. Основные правила английской системы доказательств ..	139
§ 4. Английская система доказательств — классическая буржуазная юридическая система	145
Глава III. Теория так называемой свободной оценки доказательств	151
§ 1. Исторические причины возникновения теории так называемой свободной оценки доказательств, основанной на внутреннем судебном убеждении	151
§ 2. Внутреннее убеждение и материальная истина	166
§ 3. Теория «благоразумного человека» и проблема справедливости	172
§ 4. Внутреннее убеждение и правосознание	182
Глава IV. Советское доказательственное право	190
§ 1. Внутреннее убеждение и социалистическое правосознание в советском процессе	190
§ 2. Отрицание принципа внутреннего судебного убеждения и позитивная школа буржуазного права	213
§ 3. Марксистский диалектический метод в советском доказательственном праве	248
§ 4. Понятие судебных доказательств	255

§ 5. Вопрос об относимости доказательств в советском праве..	264
§ 6. Проблема обязанности доказывания в советском праве..	275
§ 7. Классификация доказательств в советском праве	287
§ 8. Отдельные виды доказательств в советском праве	295
Объяснения обвиняемого и ответчика	297
Свидетельские показания	306
Заключение экспертизы	313
Вещественные доказательства	317
§ 9. Теория улик (косвенных доказательств)	325

ВВЕДЕНИЕ

Учение о доказательствах представляет собой одну из наиболее важных и ответственных частей науки о процессуальном праве и судебном процессе.

Это находит свое объяснение раньше всего в самой сущности, в самом содержании судебного процесса, в его задачах, связанных с установлением определенных явлений, обстоятельств, фактов, с их анализом и вытекающими из этого анализа выводами, на основе которых складывается судебное решение или судебный приговор.

Основная обязанность суда состоит в окончательном установлении фактов, относящихся к исследуемому событию, в установлении при помощи этих фактов отношения к данному событию тех или иных лиц (в уголовном процессе — обвиняемого, в гражданском процессе — истца или ответчика), в оценке этих фактов с точки зрения требований и принципов материального права, а в уголовном процессе — еще и в оценке действий обвиняемого с точки зрения их общественной опасности и применения в соответствии с этим мер наказания и иных мер воздействия в целях охраны общественного и государственного порядка, прав и интересов граждан.

Эта обязанность суда чрезвычайно сложна и ответственна, так как судебное решение или судебный приговор, вступившие в законную силу, приобретают общеобязательный характер, становятся требованием, беспрекословное исполнение которого является обязанностью каждого гражданина. В этом смысле правильна римская формула, рассматривающая судебное решение как истину (*res iudicata pro veritate habetur* — решение по делу считается истиной). Принцип общеобязательности судебного решения, его незыблемости и беспрекословности его исполнения — один из важнейших принципов государственного управления. На этом принципе покоится в значительной степени авторитет судебной власти, не допускающий игнорирования вступившего в законную силу постановления суда.

До вступления приговора или решения суда в законную силу они могут оспариваться в установленном законом порядке (апелляция, кассация); после их вступления в силу — оспаривать приговор или решение суда возможно лишь при наличии особых, предусмотренных законом обстоятельств и лишь представителями судебной и прокурорской власти (так называемый порядок надзора).

Действующее советское уголовно-процессуальное право исходит из принципа всеобщей обязательности вступивших в законную силу судебных приговоров. Приговоры и решения подлежат беспрекословному исполнению всеми судебными, следственными и административными органами на всей территории Союза ССР¹.

Такое категорическое требование закона о беспрекословном исполнении судебных приговоров и решений является, если можно так выразиться, *conditio sine qua non* судебной деятельности — таким условием, без которого самая эта деятельность была бы невозможна.

Вполне естественно, что, ставя столь высоко деятельность судебных органов, государство должно обеспечить и соответствующие условия этой деятельности, обеспечить суду возможность правильно и объективно решать судебные дела, возможность выносить такие решения и приговоры, которые не вызывали бы сомнения в своей обоснованности и законности. Без этого условия принцип всеобщей обязательности судебного приговора или решения останется формальным требованием, лишенным внутреннего, так сказать, материального содержания, лишенным морально-политического значения, несколько не соответствующим укреплению авторитетности суда и его решений в глазах народа. В этом вопросе, конечно, основную роль играет самая организация судебной системы, определяемая классовым характером, классовой сущностью государственного и общественного устройства страны. Никакие процессуальные и материальные законы и правила не могут обеспечить авторитет в глазах народа суду, являющемуся орудием эксплуататорских классов, —

---

¹ См. ст. 32 «Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик», а также соответствующие статьи уголовно-процессуальных кодексов союзных республик.

«тонким орудием беспощадного подавления эксплуатируемых, отстаивающим интересы денежного мешка»¹. Естественно, что на такой суд народ справедливо смотрит, по выражению Ленина, как «на нечто казенно-чуждое»².

Приговоры и решения такого суда не могут пользоваться уважением и доверием со стороны народа. Буржуазия старается поэтому придать своему суду возможно более демократический характер, прикрыть истинное назначение своего суда как орудия расправы с трудящимися такими «демократическими» формами его организации и деятельности, как участие в решении судебных дел так называемых «народных» представителей (присяжные, шеффены), как гласность, состязательность и т.п. В этом отношении буржуазно-демократические принципы организации судебной системы и судебной деятельности ничем не отличаются от буржуазно-демократических принципов вообще — они столь же формальны и фальшивы, они столь же приспособлены к задаче эксплуатации и угнетения трудящихся, как буржуазная демократия в целом. Вот почему «безусловной обязанностью пролетарской революции было, — как писал Ленин, — не реформировать судебные учреждения (этой задачей ограничивались кадеты и их подголоски — меньшевики и правые эсеры), — а совершенно уничтожить, смести до основания весь старый суд и его аппарат. Эту необходимую задачу Октябрьская революция выполнила, и выполнила успешно»³.

Судебный приговор и судебное решение имеют громадное значение. Это значение они имеют не только в силу формальных требований, которые предъявляются от имени государственной власти ко всем, кого касаются судебные решения и приговоры, но и в силу своего морального и общественно-политического веса.

Приговор или решение выносятся и провозглашаются судом от имени государства. Придавая судебным постановлениям силу государственных актов, государство как бы принимает на себя всю ответственность за их содержание и за все вытекающие из этих постановлений последствия. Государственная власть всей силой своего авторитета обеспечивает судебному приговору

¹ Ленин. Соч. Т. 26. С. 421.

² Ленин. Соч. Т. 27. С. 236.

³ Ленин. Соч. Т. 27. С. 191.

или решению реальность его исполнения, санкционируя безоговорочное применение необходимых мер репрессии ко всем, кто делает попытку не подчиниться приговору или решению суда, вступившему в законную силу.

Именно в этой авторитетности судебного приговора заключается объяснение того общеизвестного факта, что в некоторых странах (например, в Англии) огромная область неписанного права (*common law*) всецело почти является продуктом судебных решений, накопившихся в течение столетий (начиная с конца XIII века).

Вся так называемая теория прецедента покоится на признании относительной истинности судебного приговора, если он не изменен или отменен вышестоящей судебной инстанцией, или безусловной истинности приговора, если он провозглашен высшим судом, не допускающим критики его решений¹.

Когда, читаем мы у Франквилля в его “*Le système judiciaire de la Grande Bretagne*”, по делу Толсона в Палате лордов был возбужден вопрос о том, что Высший уголовный суд (*Courts of Crown cases reserwed*) явно изменяет законы, лорд-канцлер ответил: «Приговор суда не подлежит обсуждению парламента, а судей нельзя обвинять в нарушении закона, так как только они могут сказать, что такое закон»².

Такое отношение к судебному приговору говорит не только об исключительной роли суда в государственной системе. Оно го-

---

¹ Барон (Baron) в Пандектах рассматривает судебную практику в качестве безусловного источника права. Он определяет судебную практику как право, основанное на судебных приговорах.

Проф. Петражицкий также признает судебную практику в известных условиях источником права, утверждая, что эта практика иногда получает в психике людей значение нормативного факта. Право, возникающее из судебной практики, и отдельные преюдиции (главным образом решения высших судов) проф. Петражицкий объединяет в особом понятии преюдициального и юдициального права, выводимого им из «императивно-атрибутивных переживаний». Ошибка проф. Петражицкого в этом вопросе органически связана с его теорией так называемого интуитивного права, отводящей решающее место в происхождении и развитии права психическим процессам (см. *Петражицкий*. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 1910. Т. II. С. 572–579).

² *Franqueville*. Т. I. P. 210, 212; Т. II. P. 336. Русский дореволюционный криминалист Г.В. Демченко в своей работе «Судебный прецедент» (1903) не без основания замечает в связи с этим, что приговоры и решения английских судов имеют громадное значение в деле создания права.

ворит также о том, что суду принадлежит чрезвычайно активная роль в осуществлении общей политики, что судебное решение в некоторых буржуазных странах считается способным создавать и изменять важнейшие институты публичного и частного права. Не случайно поэтому английская теория права различает наряду с законодательством или правом общим еще и право, создаваемое судебными прецедентами (*case law* — закон, основанный на практике судебных решений): столь важное значение придается сторонниками этой теории судебной деятельности, приравниваемой к деятельности законодательной.

Некоторые ученые судебному решению придают такое значение, что самое появление закона объясняют действием судебных решений. Мэн в своей работе «Древнее право, его связь с древней историей общества и его отношение к новейшим идеям» высказывает мысль, что «...судебные приговоры и решения, основанные на прежних примерах, предшествуют составлению общих правил, основных положений и классификаций»¹.

Гомеровские «Фемиды» (“*Thémistes*”), по Мэну и Гроту, — это приговоры царей, они предшествовали закону.

«Литература героического периода, — говорит Мэн, — показывает нам закон в его зародыше под видом «Фемид» и в более развитом состоянии в понятии Διχη (справедливость)».

«Эпоха закона» — уже следующая ступень в развитии права. Она связана с появлением в обществе классов, с возникновением: государства и государственных учреждений. На примере Афин Энгельс показывает в «Происхождении семьи, частной собственности и государства» процесс образования государства, явившегося следствием развития экономических отношений, породившего частную собственность, деньги и денежное обращение, превратившего продукты в товары, углубившего разделение труда между различными отраслями производства, создавшего постепенно новые должности, новые отношения — государственный строй, государство. Оно явилось только следствием развития производительных сил и производственных отношений данного общества, необходимым условием дальнейшего его развития. Оно явилось силой, которая была

¹ Мэн Г.С. Древнее право, его связь с древней историей общества и его отношение к новейшим идеям / Пер. Н. Белозерский. СПб., 1873. С. 7.

призвана держать «общество в границах порядка». Оно явилось «организацией имущего класса для защиты его от неимущего класса» (Энгельс), организацией, обладавшей вооруженными отрядами (армия, флот, полиция), тюрьмами и другими принудительными учреждениями, пользовавшейся для своих целей законами, правом, неизбежными спутниками государства. Государство предполагает наличие права, играющего роль одного из важнейших рычагов государственного управления. Это, разумеется, не следует понимать в том смысле, что использование государством права делает это государство «правовым государством», как это воображают либеральные и «демократические» профессора права. Это означает лишь то, что господствующий в обществе класс выражает свою волю в форме закона и пользуется своей властью при помощи своих законов. В свою очередь, право предполагает наличие государства, ибо «право есть ничто без аппарата, способного принуждать к соблюдению норм права»¹.

Но в родовом обществе не было ни государства, ни права. В родовом обществе люди обходились «без солдат, жандармов и полицейских, без королей, дворянства, наместников, префектов и судей, — без тюрем, без процессов» (Энгельс). Они обходились и без законов, хотя жизнь шла далеко или даже вовсе не так замечательно удобно и радостно, как ее рисует Овидий Назон в своих «Метаморфозах». Общественные отношения регулировались на основе требований морали и обычая, или так называемого обычного права, уступившего свое место с появлением государства праву в собственном смысле этого слова.

В статье к «Жилищному вопросу» Энгельс показал процесс образования правовых обычаев и переход обычного права в законное право, переход обычая в закон: «На известной, весьма низкой ступени развития общества, возникает потребность охватить общим правилом повторяющиеся изо дня в день акты производства, распределения и обмена продуктов, позаботиться о том, чтобы индивидуум подчинялся общим условиям производства и обмена. Это правило, вначале выражающееся в обычае, становится затем законом»².

¹ Ленин. Соч. Т. 25. С. 442.

² Маркс и Энгельс. Соч. Т. XV. С. 70.

В «Происхождении семьи, частной собственности и государства» Энгельс с исключительной глубиной и научной убедительностью показал историческое происхождение государства из родового общества и права — из родовых обычаев. Хотя Энгельс, говоря о родовом устройстве, и упоминает «материнское право», «отцовское», «право взаимного наследования», «право усыновления» и тому подобные «права», эти термины в данном изложении берутся не в их прямом назначении, так как право в собственном смысле этого слова явилось лишь в результате разделения общества на классы.

Описывая разложение греческого рода, Энгельс отмечает влияние имущественных различий на общественный строй, почитание богатства как высшего блага и злоупотребление древними родовыми учреждениями для оправдания насильственного грабежа богатств. «Недоставало еще только одного: учреждения, которое не только обеспечивало бы вновь приобретенные богатства отдельных лиц от коммунистических традиций родового строя, которое не только сделало бы прежде столь мало ценившуюся частную собственность священной и это освящение объявило бы высшей целью человеческого общества, но и приложило бы печать всеобщего общественного признания к развивающимся одна за другой новым формам приобретения собственности, а значит, и к непрерывно ускоряющемуся накоплению богатств; не хватало учреждения, которое увековечивало бы не только начинающееся разделение общества на классы, но и право имущего класса на эксплуатацию неимущих и господство первого над последними. И такое учреждение появилось. Было изобретено государство»¹. Было «изобретено» и право.

Не останавливаясь на этом последнем вопросе как непосредственно не относящемся к данной теме, мы сделали указанную выше ссылку на Мэна лишь для того, чтобы показать, какое исключительное значение склонны придавать судебной практике некоторые историки права.

Однако господствующая в буржуазной науке права точка зрения по этому вопросу отказывается рассматривать судебную практику как источник законодательства. «Назначение

---

¹ Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Госполитиздат, 1949. С. 111.

судов как органов правосудия, — говорит Иордан, — состоит в том, чтобы изрекать право (*ius reddere*), т.е. применять нормы действующего права к отдельным случаям, встречающимся в жизни». «Судебная деятельность есть всего только применение если не буквы, то духа закона, всегда только развитие этого духа; никогда не имеет она и не может иметь законодательного характера... Поэтому и отдельный приговор суда создает права и обязанности только для сторон дела и не имеет значения нормы, обязательной для третьих лиц»¹.

Один из авторитетных юристов дореволюционной России проф. Фойницкий также отрицает за судебной деятельностью законодательный характер, так как она, по его словам, подзаконна и ограничивается рамками данного дела: “*Judex lex fecit inter partes*” — «Судья осуществляет закон между сторонами»².

Из этого некоторые буржуазные ученые (например, проф. И.Я. Фойницкий) делали вывод, что судебная деятельность не является творческой, так как суд не творит норм права, а лишь применяет нормы, созданные законодательным органом. Целиком разделяя мнение о недопустимости в какой-либо степени придавать судебной деятельности законодательный характер, нельзя, однако, лишать судебную деятельность элементов творчества. Судья не может механически решать стоящие перед ним в судебном процессе задачи, сводя свою деятельность к приложению, к пригонке данного судебного случая к формуле уголовного или гражданского закона и наоборот. Формула закона всегда имеет родовой, общий, типовой характер. Закон — это принцип, который нужно применить к конкретным, жизненным случаям. Это требует творческих усилий суда, в результате которых сам уголовный или гражданский закон раскрывает свое жизненное значение.

Однако как бы ни смотреть на судебную деятельность с точки зрения приближения ее к законодательным функциям, несомненно одно: судебная деятельность представляет собой одну из наиболее мощных функций государственного управления, одно из могучих средств государственной политики. Значение этой деятельности таково, что, как было сказано выше, иног-

¹ Демченко. Судебный прецедент. Варшава, 1903. С. 78–79, 80.

² Фойницкий. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1902. Т. I. С. 155.

да в судебной деятельности видят даже один из источников действующего права. В отношении к советскому праву — это неправильно, так как в советском праве строго проводится принцип подзаконности судей, как это выражено в ст. 112 Сталинской Конституции и в ст. 6 Закона о судостроительстве СССР, союзных и автономных республик. Допущение, что суд творит право, является одним из источников права, прямо противоречило бы указанным конституционным принципам Советского государства¹.

Советский суд не создает нового права. Советские судьи — не законодатели. Советские судьи, как и судьи вообще, — если правильно организованы суды и судебная деятельность, — призваны не творить право, а осуществлять правосудие в соответствии с требованиями закона, т.е. в соответствии с действующим правом.

Судьи подзаконны. Судебная деятельность — подзаконна в такой же мере, так как она не является и не может являться ни источником закона, ни независимой от закона областью государственной деятельности. Поэтому в Сталинской Конституции говорится четко и определенно: судьи подчиняются только закону. Это означает, что судьи должны действовать не по собственному произволу, а в соответствии с законом. Это означает еще и то, что в своей судебной деятельности судьи должны согласовывать свои действия и решения только с законом. О каком же «правотворчестве» может идти в таком случае речь, если не иметь в виду лишь применения закона к конкретным явлениям и фактам!

Неправильность взгляда на судебную деятельность как на источник законодательства, иначе говоря, как на одну из форм законодательной деятельности видна и из анализа самого существа закона как общей нормы поведения. Закон выражает собой требования, которые господствующий в обществе класс считает необходимыми предъявить всему обществу как общую норму поведения в своих классовых интересах. Закон выражает то, что господствующий класс считает справедливым, выгодным и угодным для себя и для всего общества, от имени которого он

---

¹ «Судьи независимы и подчиняются только закону» (ст. 112 Конституции СССР 1936 г.).

действует и имеет возможность действовать в силу факта своего господствующего положения в обществе.

В одной из своих замечательных работ («Святой Макс») Маркс, разоблачая гегельянско-анархическую «философию» Макса Штирнера и, в частности, идеалистическую путаницу штирнианцев в вопросе о праве, законе, преступлении и наказании, дал подлинно философское понимание этих категорий. Маркс, говоря о законе, показал, что источником закона является не сила, как думали Гоббс, его ученики и последователи, не произвол или «воля» в идеалистическом смысле этого слова, «идея» и т.п. Маркс показал, что материальная жизнь людей, зависящая не от их «воли», а от их способа производства и формы общения, которые взаимно обуславливают друг друга, есть реальный базис государства и остается им на всех ступенях, на которых еще необходимы разделение труда и частная собственность, совершенно независимо от воли людей.

«Эти действительные отношения, — читаем мы у Маркса, — отнюдь не создаются государственной властью, а, наоборот, сами они — созидаящая ее сила»¹.

Отношения, в которые вступают между собой в обществе люди, создаются независимо от воли людей, которая сама обусловлена определенными, данными отношениями. Но люди, говорит Маркс, должны придать своей воле всеобщее выражение в виде государственной воли, в виде закона, — выражение, содержание которого всегда дается отношениями этого класса, как это особенно ясно доказывает, добавляет Маркс, частное и уголовное право.

Маркс поясняет это таким примером:

Подобно тому, говорит он, как от идеалистической воли или произвола людей не зависит тяжесть их тел, так от них не зависит и то, что они проводят свою собственную волю в форме закона, делая ее в то же время независимой от личного произвола каждого отдельного индивида среди них².

Маркс говорит: «Их личное господство должно в то же время конституироваться как общее господство. Их личная сила основывается на жизненных условиях, которые развиваются

¹ Маркс и Энгельс. Соч. Т. IV. С. 311.

² См.: Там же.

как общие для многих индивидов и сохранение которых они, в качестве господствующих индивидов, должны утвердить против других индивидов, и притом в виде действительных для всех условий. Выражение этой воли, обусловленной их общими интересами, есть закон»¹.

Уместно здесь же сказать, что этот принцип ниспровергает все принципы юридического мировоззрения, покоящегося на иллюзии, что право и закон имеют свою историю развития. «Особое развитие и история чистых мыслей», не зависящие от развития общественных, материально-производственных отношений, — это, как говорит Маркс, — «специфическая иллюзия юристов и политиков, которую без церемоний усваивает наш Jacques le bonhomme»² или Святой Jacques le bonhomme, т.е., все тот же Святой Макс.

Таково принципиальное положение марксизма-ленинизма об источнике права и закона, устраняющее всякую возможность сводить то и другое к произволу людей («идеалистическая воля»), не допускающее сомнения в том, что закон — это выраженная в праве воля господствующего в обществе класса. Такое понимание закона требует и особой организации способа выявления этой господствующей воли, что, как известно, и достигается при помощи специально построенных систем законодательства. Право законодательства — это исключительное право, это важнейший конституционный принцип, не допускающий рассеивания и раздробления на тысячи кусочков, как неизбежно получилось бы при предоставлении судьям права творить закон.

Закон формулирует свои требования в соответствии с интересами и выражающим эти интересы правосознанием господствующих классов. Судебная практика должна полностью отвечать этим требованиям. Следовательно, судебная практика не может быть источником права. Она должна быть и является в действительности деятельностью, целиком и полностью строящейся в соответствии с принципами позитивного права, с его особенностями и отличиями. Значение судебной деятельности определяет общественно-политическое значение судебного приговора или судебного решения, в которых не только даются

¹ Маркс и Энгельс. Соч. Т. IV. С. 311 (разрядка моя. — А.В.).

² Там же. С. 312.